

К ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЮ В ЯПОНИИ.

Вулкан Фузи-Яма, извержения которого были главной причиной небывалой катастрофы в Японии.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“

Управление и магазины: Москва, Кузнецкий мост, 12. Тел. 2 96-21, 2-39-45 и 1 37 00.

ОТДЕЛЕНИЕ в ПЕТРОГРАДЕ: Проспект Володарского (Литейный), 53-я.

БЮРО ЗАКАЗОВ в КИЕВЕ: Брещатик, 25, маг. „Сорабкооп“.

ОТДЕЛЫ: КНИЖНЫЙ, НОТНЫЙ, УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ, КАНЦЕЛЯРСКИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ и АНТИКВАРИЙ.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА и ПРИЕМ ЗАКАЗОВ на выписку из-за границы книг, нот, иностранных журналов, учебных пособий и канцелярских принадлежностей.

Выставка Немецкой Книги

ОТКРЫТА и ПРОДОЛЖИТСЯ ДО 27-го СЕНТЯБРЯ С. Г.

КНИГИ и периодическая литература — в залах Российского Исторического Музея — Красная площадь.

НОТЫ и музыкальная литература — в помещ. Акц. Общества „Международная Книга“ — Москва, Кузнецкий м., 12, вход со двора улицы Рождественки

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ С 13 ДО 19 ЧАС. ЕЖЕДНЕВНО.

ПРАВЛЕНИЕ КОВРОВСКОГО

ХЛОПЧАТО-БУМАЖНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ

Председатель В. А. Дементьев. Тел. 1-69-86.
Члены { Зав. торг. отд. Г. В. Мыльников. Тел. кв. 2-24-14.
Зав. Ковр. отд. П. О. Долбилкин. Тел. 25.

ПРАВЛЕНИЕ ПОМЕЩАЕТСЯ: Ильинка, Старо-Гостинный Двор., 3-й этаж, помещен. №№ 26, 27 и 28. Телефон конторы 2-80-13.

ОТДЕЛЕНИЕ: гор. Ковров, Набережная, дом б. Роговкина.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН — там же, вход с Ильинки, помещен. 7. Телефон 1-03-00.

ТРЕСТ

вырабатывает и производит продажу своих фабрикатов в виде готовых тканей: миткалей, бязи, сатина, ситца, бумажен, кашемира, диагонали, саржи, сальбри, крепон кр., пике-репс и др.

Покупает: хлопок, продфураж, технические и вспомогательные материалы для снабжения фабрик прядильно-ткацкого производства.

РЕДАКЦИЯ:
МОСКВА, Тверская, Козниц-
кий пер. 2.
Телеф. 1-09-28 и 86-87.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Шимоновская, 16.
Телеф. 1-38-25 и 1-38-41.
Телеграфный адрес:
Москва — ОГОНЕК
Тариф объявлений: стран. —
35 черв., 1/2 стр. — 18 черв.,
1/4 стран. 10 черв., 1 строка
полю. в 1 коловку — 50 к. в
червом исчисл. На обложке
на 50% дороже. Сверх зар-
плата 20% в ЦК Посаедгос.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
впредь до изменения по
150 руб. в мес. За границей на
1 мес. — 1/2 доллара, 1 экв. —
10 сент. или в переводе на
соотв. местн. валюту. Под-
писка на „Огонек“ прини-
мается во всех почт.-телегр.
учрежд. и во всех отделениях
и агентствах Госбанка.

4453-7

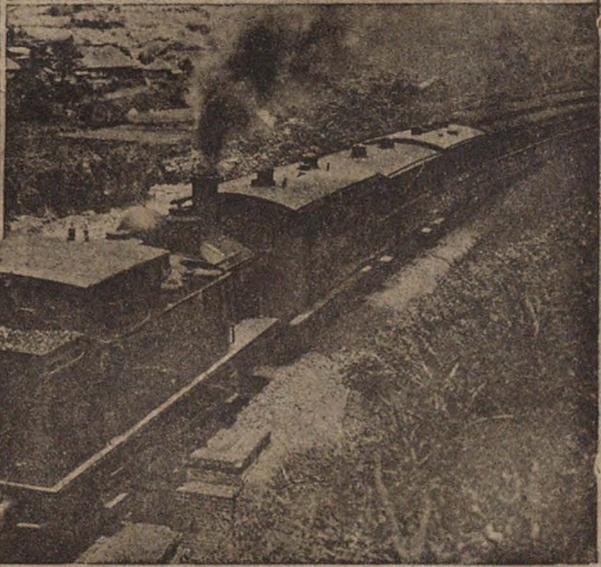
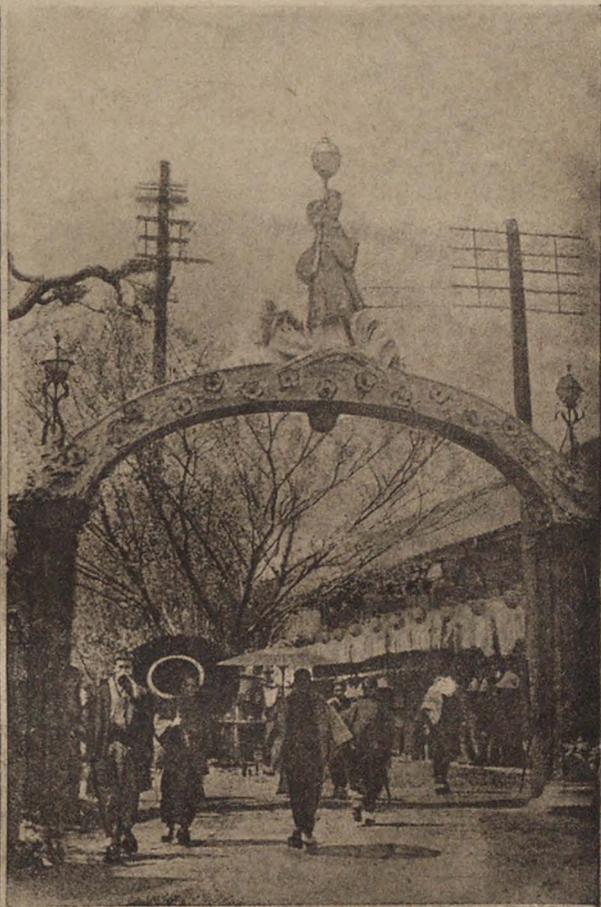
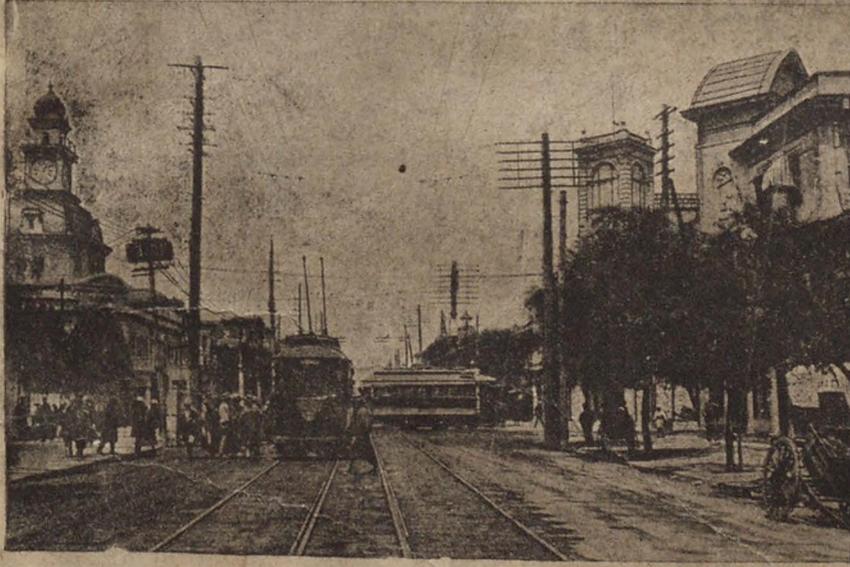
ОГОНЕК

№ 25.

16-го сентября 1923 г.

№ 25.

Япония. Места, уничтоженные землетрясением.

Наверху — улица в Иокогаме; ниже — улица
в Токио. Направо; наверху — вход на токийский
рынок; ниже — железная дорога в Японии.

Голос и Глаз.

Рассказ С. А. Грина.

I.

Слепой тихо лежал, сложив на груди
руки и улыбаясь. Он улыбался бессозна-
тельно. Ему было велено не шевелить-
ся, во всяком случае, делать движения
только в случаях строгой необходимости.
Так он лежал уже третий день, с повязкой
на глазах. Но его душевное состояние, не-
смотря на эту слабую, застывшую улыбку,
было состояние приговоренного, ожидаю-
щего пощады. Время от времени, возмож-

ность начать жить снова, уравновесивая
себя в светлом пространстве таинственной
работой врачков, представясь, вдруг, —
ясно, — так волновала его, что он весь
дергался, как во сне.
(берегая нервы Рабида, профессор не
сказал ему, что операция удалась, — что

он, — безусловно, станет вновь зрячим.
Какой-нибудь десяти тысячный шанс об-
ратно мог обратить все в трагедию. По-
этому, прощаясь, профессор каждый
день говорил Рабиду: — «Будьте спо-
койны. Для вас сделано все, остальное
приложится».

Япония. Места, уничтоженные землетрясением.

Среди мучительного напряжения, ожидания и всяких предположений, Рабид услышал голос, подходящий к нему Дэзи Гаран. Это была девушка, служившая в клинике. Часто, в тяжелые минуты, Рабид просил ее положить ему на лоб свою руку и теперь с удовольствием ожидал, что эта маленькая, дружеская рука слегка прильнет к онемевшей от неподвижности голове. Так и случилось.

Когда она отняла руку, он,—так долго смо-

тревший внутри себя и научившийся безошибочно понимать движения своего сердца,—понял еще раз, что главным его страхом, за последнее время, стало опасение никогда не увидеть Дэзи. Еще когда его привезли сюда, и он услышал стремительный женский голос, распорывавшийся устройством больного, в нем шевельнулось отрадное ощущение нежного и стройного существа, нарисованного звуком этого голоса. Это был теплый, веселый и близкий душе—звук мо-

Наверху—мост в Токио. Внизу: налево—парк в Киото; направо—дворец Микадо в Токио.

Забастовка в Чикаго.

Массовый рабочий митинг в Чикаго во время последней забастовки.

лодой жизни, богатый певучими оттенками, ясными, как теплое утро.

Постепенно, в нем отчетливо возник ее образ,—произвольный, как все наши представления о невиденном, но необходимо нужный ему. Разговаривая, в течение трех недель, только с ней, подчиняясь ее лег-

кому и настойчивому ухodu, Рабид знал, что начал любить ее уже с первых дней; теперь выздороветь—стало его целью ради нее.

Он думал, что она относится к нему с глубоким сочувствием, благоприятным для будущего. Слепой, он не считал себя вправе задавать эти вопросы, откладывая разрешение их к тому времени, когда они оба взглянут друг другу в глаза. И он совершенно не знал, что эта девушка, голос которой делал его таким счастливым, думает о его выздоровлении со

страхом и грустью, так как была некрасива. Ее чувство к нему возникло из одиночества, сознания своего влияния на него и из сознания безопасности. Он был слеп и она могла спокойно смотреть на себя его внутренним, о ней, представлением,—которое он выражал не словами, а всем своим отношением,—и она знала, что он любит ее.

До операции они подолгу и помногу разговаривали. Рабид рассказывал ей свои скитания—она—обо всем, что делается на свете теперь. И линия ее разговора была полна той же очаровательной мягкости, как и ее голос. Расставаясь, они придумывали, что бы еще сказать друг другу. Последними словами ее были: «До свиданья,—пока».

— Пока...—отвечал Рабид, и ему казалось, что в „пока“ есть надежда.

Он был прям, молод, смел, шутлив, вы-

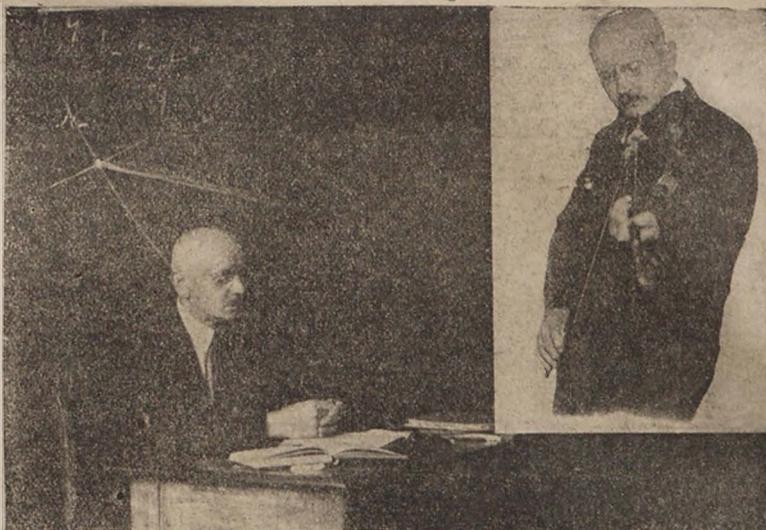
Лейпцигская ярмарка.

В этом году традиционная лейпцигская ярмарка проходит с меньшим оживлением, чем когда бы то ни было. Иностранцы воздерживаются от заказов и покупок, так как, выставленные германскими промышленниками в иностранной валюте, цены оказались выше, чем соответствующие цены на английском и французском рынках. Известный спрос существует лишь на текстильные изделия. Знаменитые лейпцигские книги уже не находят прежнего широкого сбыта.

Внешне ярмарка все же представляет любопытное и живописное зрелище. На наших снимках—виды ярмарки: налево—образцы ярмарочной рекламы, направо—человек с радио-приемником, дающий желающим возможность слышать радио-концерты из любого пункта, вплоть до Америки. Внизу—уголок павильона Внешторга С. С. С. Р.

На получаемый от основных занятий доход в Германии жить невозможно. Ни жалование чиновников, ни гонорары врачей, учителей и юристов не могут поспеть за, дошедшим уже до восьми миллионов марок, долларом и стоящей сто тысяч марок газетой. Немецким интеллигентам приходится искать дополнительного заработка. Учитывая невероятную спекуляцию, порождающую скороспелых миллионеров (раффке-

— наш нэйман) и наплыв высоковалютных иностранцев, интеллигенты ищут себе заработков в этих сферах, всячески помогая немецким шиберам (спекулянтам) веселиться. Для «Огонька» сделан ряд снимков, изображающих германских интеллигентов при обычной работе и в часы «дополнительных занятий», как обычно называется игра в кафе, кино и т. д.

Наверху—учитель гимназии, он же вечером—музыкант. Внизу налево—врач, вечером проявляющий и промывающий кино-фильмы. Направо — адвокат, он же кельнер в ресторане.

сок и черноволос. У него должны были быть,—если будут,—черные, блестящие глаза, с взглядом в упор. Представляя этот взгляд, Дэзи отходила от зеркала с испугом в глазах. И ее болезненное, неправильное лицо покрывалось нежным румянцем.— «Что будет»,—говорила она.— «Ну, пусть кончится этот хороший месяц. Но откройте его тюрьму, профессор Ребальд,—прошу вас!».

II.

Как наступил час испытания и был установлен свет, с которым мог первое время, бороться неокрепшим взглядом Рабид, профессор и помощник его, а с ними еще несколько человек ученого мира, окружили Рабида.— «Дэзи!»—сказал он, думая, что она здесь и надеясь первой увидеть ее. Но ее не было именно потому, что в этот момент она не нашла сил видеть—чувствовать волнение человека, судьба которого решалась снятием повязки. Она стояла посреди комнаты, как замороженная, прислушиваясь к голосам и шагам. Невольным усилием воображения, осеняющим нас в моменты тяжких вздохов, увидела она себя—где-то,—в ином мире,— другой, какой хотела бы предстать новорожденному взгляду,—вдохнула и покорилась судьбе.

Меж тем, повязка была снята. Продолжая чувствовать ее исчезновение, давление, Рабид лежал в острых и блаженных сомнениях. Его пульс упал.— «Дело сделано»,—сказал профессор и его голос дернулся от волнения:— «Смотрите. Откройте глаза!».

Рабид поднял веки, продолжая думать, что Дэзи здесь, и стыдась вновь окликнуть

Ля-Фоллет в Москве.

Известный американский сенатор, возможный кандидат в президенты С.-А. С. Ш., глава республиканской партии, сенатор Ля-Фоллет прибыл в Москву для ознакомления с Сов. Россией, активным сторонником сближения с которой он является в Америке.

ее. Прямо перед его лицом висела складками какая то занавесь.— «Уберите материю!»—сказал он.— «она мешает. И, сказав это, понял, что прозрел, что складки материи, наметенной как бы на самое лицо, есть оконная занавесь в дальнем конце комнаты.

Его грудь стала судорожно вздыматься и он, не замечая рыданий, неудержимо потрясающих все его истощенное, налижавшееся тело, стал осматриваться, как будто читая книгу. Предмет за предметом проходили перед ним в свете его восторга и он увидел дверь, мгновенно полюбив ее, потому что—вот как выглядела дверь, через которую проходила Дэзи. Блаженно улыбаясь, взял он со стола стакан; рука его задрожала и он, почти не ошибаясь, доставил его на прежнее место.

Теперь он нетерпеливо ждал, когда уйдут все эти люди, возвратившие ему зрение, чтобы позвать Дэзи и, с правом получившего способность борьбы за жизнь, сказать ей все свое главное. Но прошло еще несколько минут торжественной, взволнованной, ученой беседы вполголоса, в течение которой ему приходилось тише, как он себя чувствует и как выслушивать.

В быстром мелькании мыслей, плавящих его, и в страшном возбуждении своем он никак не мог припомнить подробностей этих минут и установить, когда, наконец, он остался один. Но этот момент настал. Рабид позвонил, сказал прислуге, что ожидает, немедленно, к себе, Дэзи Гаран и стал блаженно смотреть на дверь.

III.

Узнав, что операция удалась блестяще, Дэзи вернулась в свою, дышащую чисто-

„ОГОНЬКА“.

Прием рукописей на конкурс прекращен. Результаты конкурса будут опубликованы в одном из ближайших номеров.

той одиночества, комнату и, со слезами в глазах, с кротким мужеством последней, зачеркивающей все, встречи, оделась в коротенькое, летнее платье. Свои густые волосы она прибрала просто, — именно так, что нельзя ничего лучше было сделать этой темной, с влажным блеском, волни и, с открытым всему, лицом, естественно подняв голову, вышла с улыбкой на лице и казнию в душе, к дверям, за которыми все так необычайно переменялось. Казалось ей даже, что там лежит не Рабид, а некто совершенно другой. И, припомнив со всей быстротой последних минут многие мелочи их встреч и бесед, она поняла, что он, точно, — любил ее.

Коснувшись двери, она помедлила и открыла ее, почти желая, чтобы все осталось по старому. Рабид лежал головой к ней, ища ее позади себя глазами в энергическом повороте лица. Она прошла и остановилась. — «Кто вы?» — вопросительно улыбаясь, сказал Рабид.

— Правда, — я, — как будто, — новое существо для вас? — сказала она, мгновенно возвращая ему звуками голоса все их короткое, тающееся друг от друга, — прошлое.

В его черных глазах она увидела нескрываемую, полную радость и страдание отпустило ее. Не произошло чуда, но весь ее внутренний мир, вся ее любовь, страхи, самолюбивые и отчаянные мысли, и все волнение последней минуты, выразились в такой улыбке залитого румянцем лица, что вся она, с стройной своей фигурой, казалась Рабиду звуком струны, облитой цветами. — Она была хороша в свете любви.

Всемирная парламентская конференция.

В Копенгагене, на этих днях закончился конгресс делегатов всех европейских парламентов. Этот съезд был затеян пацифистскими скандинавскими кружками и большую часть своих заседаний посвятил прениям о ненужности и гибельности войн. Никаких практических решений, которые хоть сколько-нибудь обязывали парламенты, приславшие представителей, и удержали бы от новых войн соответствующие правительства, съезд не вынес и ограничился кисленькими резолюциями о том, что воевать вредно.

На нашем снимке — пленарное заседание конгресса в здании датского парламента (фолькетинга).

— Теперь, только теперь, — сказал Рабид, — я понял, почему у вас такой голос, что я любил слышать его даже во сне. Теперь, если вы, даже, ослепнете, я буду любить вас и этим вылечу. Простите мне. Я немного сумасшедший, потому что во-

скрес. Мне можно разрешить говорить все.

В этот момент его, рожденное тьмой, точное представление о ней было и осталось таким, какого не ожидала она.

А. С. Грин.

Тамбовские крестьянки в гостях у Моссовета.

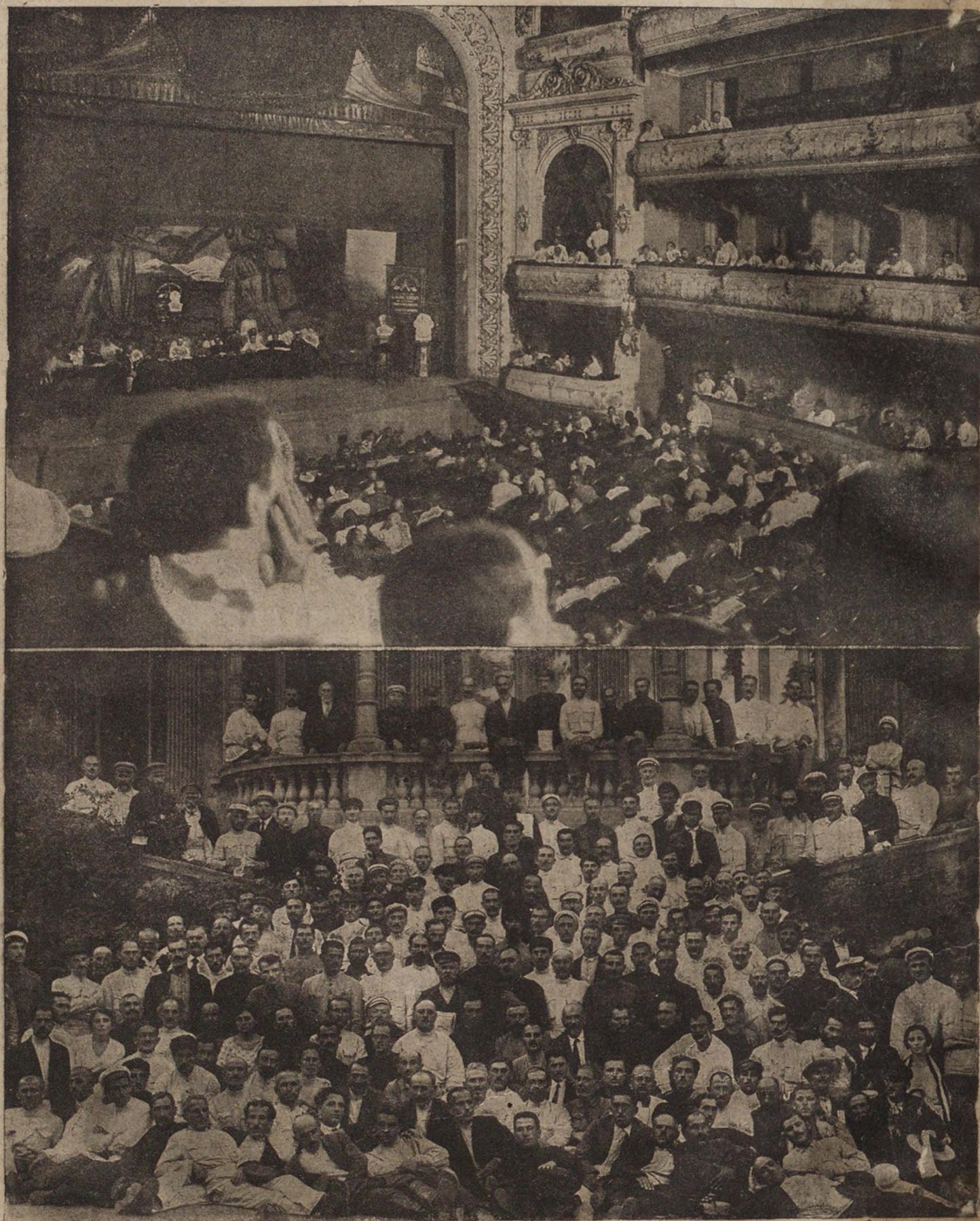

Тамбовские делегатки, прибывшие на Всесоюзную с.-х. Выставку, знакомились с аппаратом Московского Совета. На снимке — делегатки в зале заседаний президиума Моссовета вместе с заместителями Предмоссовета М. С. Богуславским (первый справа) и М. И. Роговым.

Ликвидация меньшевистской партии Грузии.

Общегрузинский съезд бывших меньшевиков.

Снимки В. К. Ана

Наверху: заседание Всегрузинского съезда б. меньшевиков, в театре Руставели.

В центре у стола президиума—председатель съезда—Фарниев, быв. член Ц. К. меньшевиков и демократического Учредительного Собрания. Слева Мартынов, член Ц. К. РСДРП меньшевиков.

Внизу: группа членов общегрузинского съезда б. членов меньшевистской партии.

Прошедший в Тифлисе съезд постановил считать меньшевистскую партию ликвидированной и членов ее «Ц. К.» лишенными права выступать и действовать от имени несуществующей уже грузинской меньшевистской партии.

Съезд прошел под знаком единения с III Коминтерном.

Делегаты съезда объединяли 15.000 б. меньшевиков-рабочих и крестьян, покинувших эту предательскую партию.

Стоят (в 3 ряду) А. Рухадзе, Фарниев, Мартынов, Чумбуридзе.

Международный юношеский день.

Фот. А. Самсонова.

Юношеский день 2 сентября прошел с необычайным оживлением. Десятки тысяч юношей и девушек в спортивных костюмах с утра направлялись в стройных шествиях на Красную площадь. На местах стоянок улицы оглашались песнями, шутками, веселым молодым смехом. Толпы прохожих любовались отрядами молодежи и часто сопровождали их.

Московская рабочая молодежь, как показал день 2 сентября, окрепла, закалилась и производит прекрасное, радостное впечатление. Смена есть!

На наших снимках различные моменты шествия, а наверху инсценировка германских рабочих, борющихся с фашизмом.

Жуткое отгулье.

Рассказ С. Заяцкого.

Ивану Вавилову Пробочину было необыкновенно приятно. Небо синее, море синее, дорога меж виноградниками белая, жаркая, вдоль дороги кипарисы, пылью напудренные, а из-за каменных оград деревья будто кровью черешней обрызганные. Благодать! Благодать!

Иван Вавиловч Пробочин глядел, глядел и вдруг духом умилился, дышать стал всей грудью. Глаз даже слезу источил. Посмотрел на супругу свою — пышная вся, в белом — руки голые, шея голая от солнца лунятся.

— Ты дыши, Машенька!
— У и то дышу. Воздух уж очень хороший.

— А горы то? Высотища? А море то? И думаю, что нет такого пловца, чтоб море переплыл.

— Еще бы человеку море переплыть! Ты уж скажешь!

— А что, ежели на ту вон верхушку взобраться и сесть? А? Машенька? Я думаю с нее Крым, как на блюдечке. Пожалуй, еще Турцию видно.

— Ты уж выдумашь! В такую жару на горе лезть!

— А мне что жара? Сниму рубашку, да и полезу! Кто меня тут осудит.

— Сопреешь!
— Сопрею — высохну! А, Машенька? Полезем?

— Нет уж... Я лучше соснуть пойду... Мне после шашлыка что-то... нудно!
— Хороший шашлык был! Шашлык был, что надо!

— Ты полезай, коли охота... Я, ты знаешь, Ванятка, тебя не хочу стеснять. А я пойду соды выпью, да и сосну...

Иван Вавиловч с умилением обнял пыльный стан, будто погрузился в жаркую, умело взбитую перину. Подождал пока скрилось за поворотом кисейное платье, еще раз оглядел все — благодать! — И полез по узенькой тропочке. «К обеду не опоздай», — послышалось снизу.

Иван Вавиловч умилился уже неделю целую; с того мига, когда носильщик, приняв с извозчика подушки, спросил, как показалося, почтительно: «на скорый?»

Тут-то и умилился Иван Вавиловч и подмигнул супруге.

— Два года назад меня на этом самом вокзале, как собаку паршивую шугали —

куда прешь — а теперь? Чистота-то... Господи! Смотри, смотри! «Вам на скорый?» Дожили до времечка!

Поезд был блестящий и гладенький, вагоны зеленые, как огурчики, желтые, как апельсинчики, на всех аншлаги: «Москва-Севастополь», а у ступенек проводники важные в куртках серых с пуговицами серебряными. Когда прожужжал третий звонок, вынул Иван Вавиловч часы и головой покачал с улыбкой изумленного удовлетворения.

— Чок в чок! А раньше? «Когда поезд?» «А мы почем знаем! Хочешь ехать, ступай дрова грузить!» А теперь? И да! Вот, вам и большевики! Я всегда говорил!

— Ну, уж и говорил! Забыл, как мешки таскал!

— Ну, таскал! Мировые перевороты без эксцессов протекать не могут. Почитайка, как французы друг дружке головы рубили.. Нет, ей-богу, молодцы... Жалею, что на вокзале бухаринскую книжечку не купил!

Но до слез умилился Иван Вавиловч в вагоне-ресторане. За окном степь вблизи зеленая, вдали синяя, еще дальше ли-

ловая. Вокруг станных ветками в небо тополя, хаты белые, словно мукой вымазаны.

— Ведь вот раньше на этой самой дороге—солдате, теплушки, мешечники... Корку сухую вынул из кармана, жуй, буржуй, угодику своему молись... Соль помню в кошельке вез. А теперь... Шницель по венски... Легюм из свежих овощей... Соль «серебос» какая-то, чорт ее знает! Нет, молодцы... К нам иногда в магазин коммунист один ходит за башмаками... Надо будет поговорить... Я ведь тоже человек идейный... Я не вошь какая-нибудь на общественном теле.

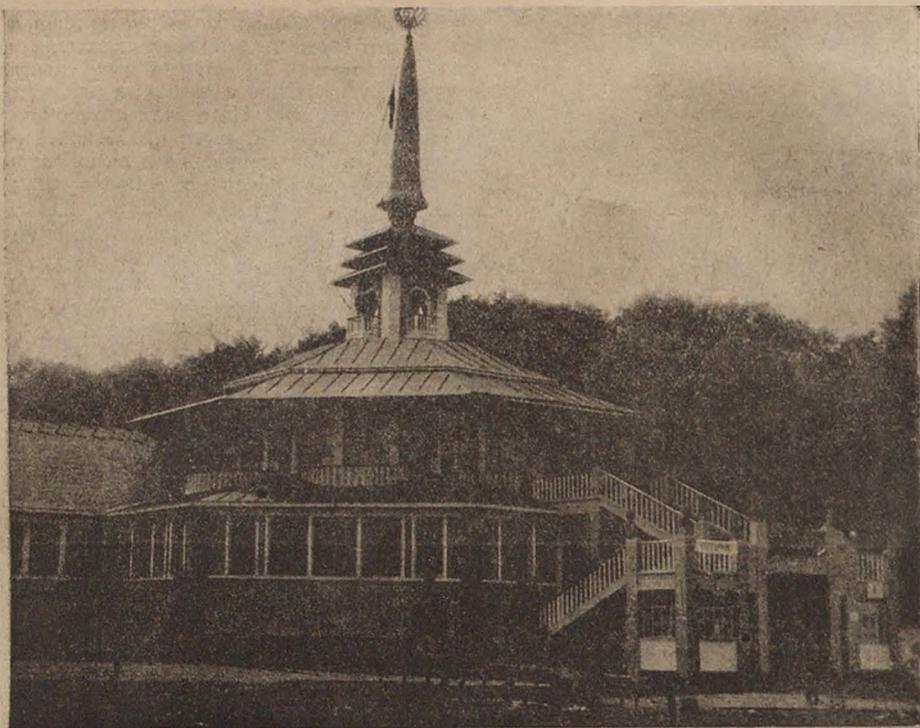
— Фу, Ванятка, за обедом такие гадо-сти.

— А что же? Разве неправда? ■
Иван Вавилович вспомнил все это на крутой тропочке. Море с этой высоты казалось застывшим. Он снял рубашку и, почув, как горячие пальцы солнца ощущали его плечи и руки, опять умилился.

— Хорошо!—молвил он вслух и выше полез и даже пальцами защелкал от восторга.

Кончился виноградник и тропинка устремилась вдруг под темнозеленую сеть старого лиственного леса. Где-то внизу журчала вода, одна мысль о коей, в жару была усадительна.

— Да!—подумал Иван Вавилович:—дождались времячка... В Крым на лето! Ах ты, сукин сын! А как в очереди за спичками стоял, помнишь? А как доски на чердаке крал, помнишь? История, брат, ничего

Павильон Государственного объединения Моссельпрома.

Бывшая рабыня управляет государством.

Очерк С. Любимовой (Отдел работниц ЦКРКП).

Ставшая при Советской Власти человеком и полноправным гражданином, женщина восточных народностей все-таки до сих пор не изжила семейного рабства. «Брак есть договор, заключенный по приобретению женщины для супружеского с нею сожительства» так начинает, действующее до сих пор, обычное право в восточных областях определение положения женщины в семье.

Отсюда безграничная власть мужа, который, заплатив за жену «калым»—скотом, хлебом или деньгами,—может, не считаясь с нею, взять еще 3 жен, который может выгнать ее из дома, если она не понравится, избить до увечья.

Продавшие девушку родственники или родители не в праве даже заступиться за нее. Они могут в случае нанесенных своей дочери увечий потребовать от ее мужа лишь уплаты штрафа.

Женщина восточных народностей с детства и до старости в распоряжении родителей, мужа, родни мужа. Ее выдают замуж в возрасте 10—11 лет, ее по смерти мужа передают со всем его имуществом по наследству ближайшему родственнику и т. д.

Много, много этих обычаев, религиозных установлений, заповеданных мусульманину Магометом, строго охраняемых муллами, которые до сих пор не считают женщину за человека. До сих пор узбечка, горянка не может даже лица открыть при постороннем. Все это, как пережитки старого, сохраняется в быту восточных народностей.

А наряду с этим революция расбросала народные суды, действующие на основании советского законодательства—в котором трудящаяся женщина равноправна со всеми трудящимися мужчинами. Рядом с сохраняющимися обычаями бесправия, затворничества—возможность участия в органах государственного управления.

Трудно освоиться до сих пор со всем этим новым, с Советской властью пришедшем.

И в помощь женщине восточных народностей так же, как русской работнице и крестьянке—коммунистическая партия

везде разбросала свои отделы по работе среди женщин.

Здесь в своеобразных условиях восточных областей партия применяет и особые методы и формы работы среди женщин.

Пионерка женского освободительного движения. Мусульманка, снявшая позорную чадру со своего лица. Узбечка Узакбаева, несмотря на то, что у нее есть четверо детей, развелась со своим мужем из-за нежелания носить чадру, которую она окончательно сняла в феврале 1923 года. Ей теперь 33 года. С 1920 года она состоит членом партии. Недавно она избрана членом Туркестанского ЦИК'а.

Здесь, где обычай затворничества не позволяет женщине прийти на общее собрание, в общую школу, партия организует особые женские клубы, школы. Так, 28 женских клубов работают в настоящее время по восточным областям и республикам.

Показательный клуб имени «Али Байрамова» в Баку насчитывает до 800 членов—тюрянок. При клубе «Али Байрамова» помимо библиотеки, помимо постановки спектаклей—проводится работа в школах грамоты, политграмоты. Имеются курсы инструкторов по работе среди женщин, амбулатория для женщин, ясли для детей членов клуба и целый ряд производственных мастерских и артелей. Отделы партии по работе среди женщин повсюду стараются прийти на помощь труженице Востока в ее стремлениях к экономической самостоятельности. Они содействуют организации артелей, открытию мастерских. Так, 94 женских артели работает в настоящее время в восточных областях и республиках. В Ташкенте через раздаточные пункты артелей объединено до 1000 узбечек.

Помимо этого, отделы работниц приходят на помощь восточной труженице в практическом осуществлении ее прав, предоставленных советским законодательством.

Отделы работниц выделяют в помощь восточнице особых правозащитниц при народных судах.

Как часто обращение женщины по вопросам семейно-имущественных прав, показывает цифра 418 судебных дел, прошедших с участием правозащитниц женотдела почти в одном Закавказье за последние месяцы.

Человек и полноправный гражданин при Советской власти—женщина восточных народностей все смелее вступает в общие ряды трудящихся. Женщины Советского Востока уже заняли место в Советах. Узбечка член Турцика, башкирка Башцика, киргизка—Кирцика, тюрчанка—Азцика и т. д.—их уже сотни по всем областям и республикам.

Пробужденные Октябрем они с безграничной преданностью идут за Советами, Коммунистической партией, работают вместе с ними над своим окончательным раскрепощением.

С. Любимова.

Новые сокровища искусства.

От нашего тверского корреспондента.

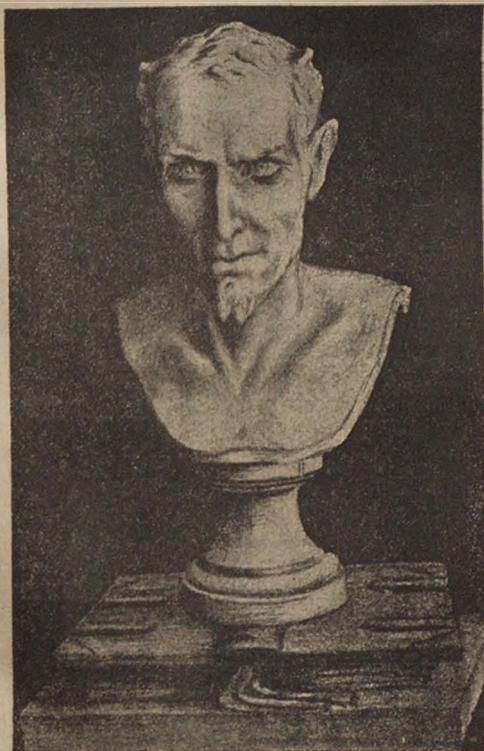
Глядя на губернских музеев после октябрьской революции обогатился ценными произведениями искусства, вывезенными из

бывших имений. Тверской губернской комиссией по охране памятников старины и искусства были обнаружены в мусоре на

чердаке бывш. особняка фабриканта Рябушинского, в В.-Волочке, женский бюст работы знаменитого скульптора Родэна.

«Бюст дамы» (мрамор) работы знаменитого французского скульптора Родэна.

«Мефистофель» (мрамор) работы знаменитого русского скульптора Антокольского.

«Похищение сабинянки» (карарский мрамор) работы Антокольского.

не пропинешь! Все по марксистскому закону! Помучились и довольно.

Тут неожиданно очутился Иван Вавилович на уступе, поросшем травой, и ахнул. Внизу, утыканный кипарисами, тянулся южный берег, отделенный от синевы моря белой полоскою. Где-то в лазури словно в воздухе застыл пароход и дым от него тоже застывший тянулся по всему небу. Отведя от моря восхищенные свои взоры, увидел Иван Вавилович, что не он один находится на поросшем травой уступе. Некий человек, обнаженный, как и Иван Вавилович, до пояса, с кожей темной от загара, как у индейца, сидел, свесив ноги в пропасть и жуя серые, будто из пыли испеченные лепешки.

— Также природой любуетесь?—спросил Иван Вавилович с некоторой почему то робостью.

Человек не спеша прожевал лепешку и пожал плечами презрительно.

— Чего ею любоваться то?—пробормотал он.—Море, как море! Ничего в нем такого нету, чтобы им любоваться.

— Ну, что вы... Синева то какая!

— Ну и что ж что синева?... Мало ли на свете синего... Вон и небо синее...

— И небо хорошо!

— А было бы желтое, хуже было бы?

Иван Вавилович опешил на мгновение.

— Уж мы так созданы, чтоб любить голубое небо.

Темнокоричневый человек плюнул в пропасть и ничего не ответил.

— Вы здешний житель?—спросил Иван Вавилович.

— Теперь здешний, а был тамошний.

— Давно в Крыму?

— Да, четвертый год.

— И при Врангеле были?..

— Был и при Врангеле.

— Хорошо тут было при Врангеле?

— А чего хорошего? Порядок был!

А теперь нет его что ли?

— Теперь порядок замечательный... Я и то говорю молодым большевикам.

Темнокоричневый человек опять плюнул в пропасть.

— Были когда-то молодцами!—пробормотал он.—Вы из отдыхающих что ли?

— Да... приезжий...

— Вот то-то, больно отдыхать стали много..

— Нельзя, знаете... зимой в труде... А вы сами откуда?

— Где был там и след простыл! Деревенский я... Из Орловских! Село Карачево знаете под Мценском... Ну, вот оттуда я... В Мценске на заводе работал, а как пошла мобилизация, расплевался.

— Не скучаете по родине?

— Некогда было скучать... Теперь, конечно, безобразия—скупа. Спервоначалу с немцами воевал... Я ковалерист... в разведке больше работал. Только это, конечно, была война не настоящая.

— Как не настоящая?

— А так! Порядок был! Все тебе предугавано и предписано. Едешь и знаешь куда едешь... Туда не могли, сюда не суйся. Разойтись негде было... При Керенском только настоящее дело пошло. Каша пошла тебе такая, что только ешь, похваливай... Все соответствовало... Иначе, как на крыше и не ездили. Ветерок, прохладно... Иной встанет не подумавши, ему бац!—голову мостом и снимет. А то в купе ходил масло из буржуев жать. Барышень тиокали. Ну, потом в октябре Москву по-

лировали. Только это уж не то... Я человек степной, вольный... У меня рука длинная—мне в городе тесно... Тошнит. Ну, мы опять с ребятами на крышу... Кати куда глаза глядят. Одного буржуя к себе выволокли—посадили. Был у нас парень—Никитой звали—шалавый человек—гранатой его потом пополам разорвало—так он наставил на буржуя тесака: прыгай, говорит, на другой вагон, а не то столкну... Тот ему деньги... А ему что деньги? Харкнул на них—буржуя ко лбу приленил. Прыгай! Прыгнул... А Никита за ним! Прыгай дальше... Так до последнего вагона... А там взял да тесаком в бок.

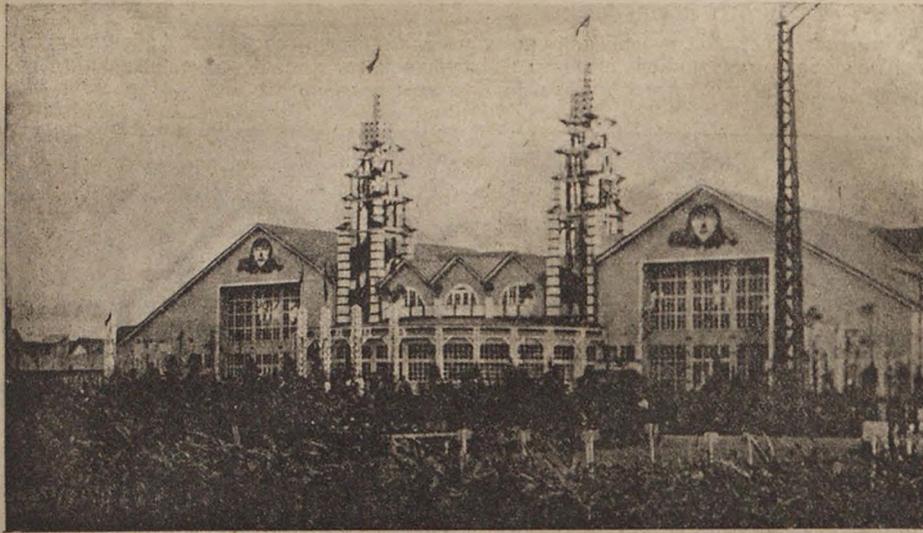
— И что же?—спросил Иван Вавилович и страшно ему вдруг стало.

— Ничего... свалился! Нешто устоишь! Крыша крутая, скользкая... опять таки качает.

Человек с коричневой кожей грустно задумался.

— А тут опять война пошла... Красные, белые... Тыфу! Ты за кого? А я сам за

На Всесоюзной с.-х. Выставке.

Павильон Всесоюзного Союза с.-х. кооперативов.

Павильон треста Моссукуно.

себя... Мне беспорядку надо! Я степной человек—перекати поле. Нет во мне никакой дисциплины. На кой она мне... Взяли мы, да и пошли с ребятами по степи гулять. В балках ночевали... хорошо, вольно! Раз идем ночью... Стой, кто такие? Смотрим народ твердый с ружьями... Ах, еж твою двадцать... Ну, думаем, влопались. Красные или белые?—спрашивают... Ни те, ни другие... Стало быть зеленые? Выходит что, пожалуй, зеленые. Приняли нас и объяснили, что ни за кого не идут, а просто бродят... повстанцы... Большевик попадется—большевика режут, офицер—офицера... Просто так... для суматохи...

Глаза его из под выцветших бровей блеснули.

— Хорошо было в зеленых,—сказал он:—я потом в Крым перебрался... В горах оно способнее. Автомобиль бывало едет: стой! Предъявляй документы... Иной раз пропустим, а иной раз к ногтю... Большевики... Были и они молодцами, когда Москву горошком посыпали... А теперь? Туда не ходи, здесь не сиди... С крыши снимают... Вот тебе и революция.

— Что же вы и людей убивали?—спросил Иван Вавилович с некою опаскою.

— А как же не убивать то? Обязательно убивал. Еще два года назад, как Врангель ушел, убивал... Вот в этом самом лесу убивал.

Он вдруг встал с торжественным и вдохновенным лицом.

— Хотите покажу где жил?—спросил он.

Иван Вавилович боялся свою трусливость проявить (не подумал бы, что при деньгах) и потому согласился. «Все равно, захочет убить, так и здесь убьет! Чорт меня на эту гору понес. Сидел бы сейчас у себя на балкончике, припеваючи, мороженое

бы ел». Они пошли по еле видимой, заросшей травой тропе. Камни, встревоженные их ногами, с шумом катились в крутую бездну, и чем выше они поднимались, тем дичее и величественнее становился лес. Темные заросли скрывали внезапно даль и от горных впадин пахло гнилью и сыростью. Человек с коричневой кожей

раздвинул кусты. Обнаружился узкий черный лаз, ведущий в пещеру.

— Вот где жил! Хорош домик? Давно уж не был тут! Засыпало... Может еще пригодится...

И он начал швырять вниз желтые, дождеми смытые со склонов, камни. Один круглый и блестящий осмотрел он со вниманием, поколупал и кинул к ногам Ивана Вавиловича, в страхе отпрянувшего. Изъеденный червями череп задел носки его башмаков и покатились в пропасть.

— Офицер врангельский.—пояснил человек с коричневой кожей:—все равно ему бы при красных не прожить... А мне о ту пору обувь была нужна... обиделся. Да, было времячко! А теперь, куда я пойду? Я человек вольный. Мне воевать нужно. Мне закон вреден... Он мне—как заноза.

Он перестал расбирать камни, подошел к краю обрыва и долго смотрел вниз.

— И там должны кости быть,—пробормотал он. И вдруг, вложив в рот два пальца издал он пронзительный, но по ушам хлыстом хлещущий свист. Пошел свист по всем горам, словно обрадовалось соскучившееся отгулье и захотел захихватки тряхнуть стариною. И тогда вдруг человек с коричневой кожей подошел вплотную к Ивану Вавиловичу и прижал его к шершавой скале.

— Ты кто такой есть?—крикнул он яростно:—документ предъяви! Живо! Уши обрежу.

Иван Вавилович, глотая слюну и выткнув глаза так, словно уж впилась ему коричневая рука в горло, вынул из кармана бумажник. Коричневый человек долго и с удовольствием рассматривал какое-то у остоверение. Потом он пересчитал деньги, сунул бумажник в свой салютный и рваный карман, возвратил документы Ивану Вавиловичу и крикнул ему зычно.

— Катись!

Иван Вавилович и в самом деле покатился; он бежал, как только мог быстро по узкой тропочке и думал: вот, вот сунет нож, прямо в желобок промеж лопаток.

Он бежал до роковой площадки, поросшей травой. Все так же видел вдаль заставший паром... Иван Вавилович остановился—перевести дух. Сзади покатились вдруг камни, послышались шаги, и опять страшная мелькнула между деревьями коричневая кожа.

— Нате,—сказал обладатель этой кожи, протягивая Ивану Вавиловичу бумажник с деньгами,—духу того нету. Извиняюсь за беспокойство... Хотел стариной тряхнуть... Застопорило.

Он с отворачиванием взглянул на южный берег, и исчез в зарослях.

С. Заяичкий.

На Всесоюзной с.-х. Выставке.

Павильон Махорочного синдиката.

СТАРИКИ.

Еврейская беднота на Подолии.

Очерк С. Гехта.

Пивная «Богемия» дрожит от шума и дыма. Белые скатерти залиты красным пи-

труд, ожесточенная — иголя плюс легкое надувательство, ибор еобманеш, не про-

много и успех их огромный. Их часто даже приглашают на деревенские свадьбы крестьян. Если только найден повод — обрезание, крестины, похороны, помолвка — капнела на месте — гудит нутро контрабаса, скрипит канифоль и дрожит сияющая медь кларнета. Реже — валторна и барабан.

По тракту Хмельник — Меджибож ходят нищие. В старых черепах еще гнездится каббала; легенды о чудотворце Ваал — Шеме достались им в удел. Судьбы человечества определяются вычислениями — например, «Ленин — 220» — что это значит? — неизвестно.

На Подолии девушки круглые и ядреные. На Подолии девочек рожают больше, чем мальчиков. Стало быть, в мужских нуждах, стало быть, мужчины на вес золота. Приезжай оборванцем — откормят до третьего подбородка, оденут в польский шелк, обуят в английские сапоги, только женись. А за женой — фруктовый сад, огород, кирпичная изба с каменным крылечком и крышей из дранки.

Думаете — старые девы? Отнюдь. Девятнадцатилетняя девушка считается в местечке перерезанной если же ей двадцать два года — заведомо стара. А к жениху надо присматриваться и быть осторожной. Сколько жуликов наезжало из больших городов юга, вступали в брак и исчезали с деньгами!

Археологические евреи позиций еще не сдают. Пусть сыновья не посещают синагоги и не тянут еврейской дойны, а ходят в комсомол, чтоб делать противные богу дела и петь противные богу песни. Еще маленькие дети повластны им, маленьких детей можно тормозить разделами Бытия и Чисел и неволить к зубрению

... Греются на солнышке.

вом. Желтые официанты выгибают четверугольные спины. Посетители шумят. Резкий кабацкий гул возбуждает — древней пьяной мутью даже тех, кто еще не пьян. И пьяные и трезвые с одинаковой кабацкой развязностью едят по столу локтями, раскачиваются на стульях и орут. Кто они? Толстяки в роглангах (красная шея — короткие брюки — желтые ботинки), дамы (два выреза, один разрез и еще кое-что), те, что на Ильинке (даю червонцы) и прочие. Пьют много, едят мало, говорят громко, ругаются вполголоса (все-таки дамы). Пивная, как таковая — ясно.

И вдруг (обязательно вдруг) медленным шагом, раскачиваясь, вздыхая и поглаживая бороду, вошел еврей. Но эффект был сверхчеловеческий.

Что за диковина — имеет основание удивляться каждый. — Еврей то-о-же!

Однако же вот какой это еврей. У него широкое лицо, изборожденное морщинами по диагонали (Рембрандт, Эрмитаж, верхний ярус), очень большая и очень седая борода, косматые брови над емкими глазами и жилистые руки с длинными желтыми пальцами. Одежда на нем: — археология, этнография, гравиюра, смесь пятикнижия с анекдотом.

Пьяные посетители вытянули пьяные головы. В пьяных глазах изумление в кубе. Это потому, что в позванивающую и грохочущую Москву неожиданно ворвался кусок Водны, часть Подолии, отрывок Галиции.

Клев позади. Узловой пункт — тревещущая Винница. От станции влево — узкая колея. Крошечные рельсы и маленькие вагоны, покачивающиеся на шпалах, как шхуна на море, или московский трамвай на спуске. И там, где узкая колея, споткнувшись о белые глыбы сахарных заводов, исчерпывается — город Хмельник. В городе Хмельнике мужчины ходят в длинных капотах из польского шелка, женщины носят пестрые кашемировые шали и дети волочатся в люстриновых пиджаках. В городе Хмельнике — шесть дней горестный

дашь. Но приходит суббота и тогда...

И тогда поцелованные Шехиней хозяева топчут размякшую глину, подвернув лапсердаки и тахо на левая под нос. Ах, эта заунывная и вьющаяся жгутом мелодия! Городской человек слышал ее в Мариинском и Большом театрах (Сен-Санс — «Самсон и Далила», Серров — «Юдифь»). Это мелодия «голуса», угнетения и изгнания. Недаром она так похожа на бесарабскую дойну, бурлацкие песни Шовалыкя и хоры украинских дивчат.

Археологические евреи очень любят музыку. Любимые инструменты — скрипка и кларнет — проводники музыкального целомудрия. Каждое местечко и даже поселок имеет свою собственную капеллу. На Вольни их

Еврей-носильщик в Галиции.

списка наказаний за прелюбодеяние и соитие со скотиной. Но—увы и ах!—малыш подрастает, красные книжки сменяет лозманую библейскую нонпарель и даже переход евреев через Черное море не будет его пугать, ибо он узнает смысл режущего слова «легенда».

Старики ненавидят это слово «всем сердцем своим» и «всей душой своею». Это слово вселяет в семью разлад и укрепляет вражду между теми, кто с археологией и теми, кто хочет жить сегодняшним днем.

Благополучнее в Польше, хуже в Галиции, но Волынь, но Подолия, но Киевщина!

Нижеследующая сцена одинакова всегда и всюду, как типографская матрица. Еврейская семья. Обеденное время. Действующие лица: отец и сын.

Сын: (продолжая).. и никакого чуда нет. Просто большой отлив—вот и все.

Отец:—Как нет чуда? Значит и Египта не было, и десяти казней не было? И Моисею бог не показывался? И десяти заповедей не было??

Сын:—Все это существовало и существует, как легенда.

Отец: (багровея)—Опять легенда? Вой из моего дома!..

Остатки религиозного воспитания.
Учитель — «меламед» и ребенок—ученик.

Но все все-таки садятся за обеденный стол, озлобленные и чуждые друг другу. А старик рассказывает вечером в старом бетамедраше на классической Гнилопятке, что слышал, как Шехина, та самая, у которой крылья белее снега, плакала в его доме горчайшими слезами, ибо ее слезы—слезы безгрешной жены, посланницы седьмого неба.

Стариков не убеждает и героизм молодых. Молодые погибали в лесах, в схватках с бандитами, молодые выезжали на самооборону и встречали смерть, как праведники. Но старикам и это не в счет.

Они не сдадут своих позиций. Они безмятежно уйдут в архив. И песни их—песни изгнания и угнетения, так похожие на бессарабскую дойну и хоры украинских дивчат, будут замкнуты за двумя ключами—скрипичным и басовым—в пятиместные юргенсоновские лагеря.

С. Гемт.

Одесса: Кино-промышленность.

От корреспондента „Огонька“.

В Одессе устроена самая большая на Украине кино-фабрика ВУФКУ, переланная из харитоновского ателье, несколько лет стоявшего совершенно заброшенным. Теперь на Пролетарском бульваре ожил огромный стеклянный павильон, снабженный всеми последними техническими приспособлениями и самыми новыми дорогими установками.

Из-за границы возвратился один из лучших русских кино-режиссеров Чардынин, который отдает все силы на создание первоклассной пролетарской фильмы.

Благодаря огромной работе, проделанной ВУФКУ, и в частности его одесскими представителями—Одесса заняла первое место на Украине по кино-производству. Огромные павильоны, фабрики, мощные лаборатории, специальные фабрики кино-пленки и фото-пластинок, до сих пор выделяющихся только за границей—все это создано за чрезвычайно короткий

срок, все это ставит Одессу на первое место по возрождению украинской Советской кино-промышленности.

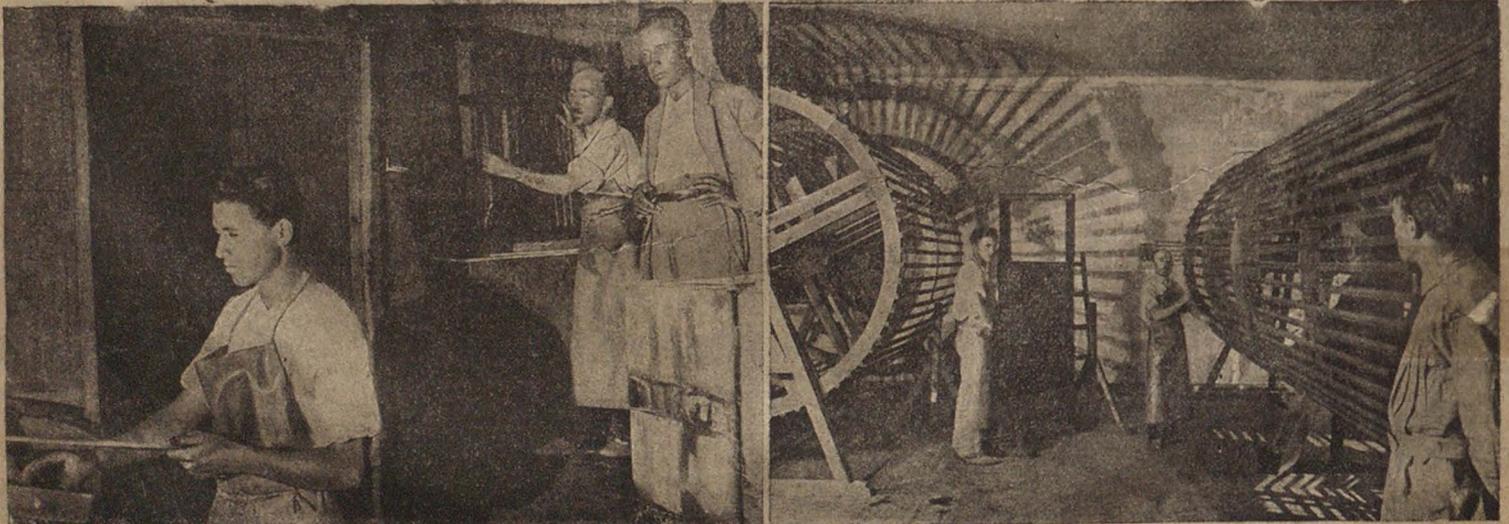

В настоящее время на одесских кино-фабриках снимается целый ряд больших социальных, политических и бытовых картин. Главные из них: «Слесарь и кавалер» (по пьесе Луначарского), «Джими Хиггинс» (сценарий известного писателя И. Бабеля), «Остап Бандура», «Навождение», «Хозяин черных гор» (анти-религиозная), «Курская аномалия» (первая большая советская комическая фильма) и др.

При фабрике организуется специальный кино-городок, по примеру Берлина. Фото-кино-управление имеет свою кино-школу, где готовятся, под неусыпным оком Советского государства, будущие кино-артисты и кино-работники.

Создается прочное и рационально-поставленное украинское кино-производство, куется новые пролетарские кино-актеры.

Д. Маллори.

Наверху: общий вид павильона на Пролетарском бульваре, в Одессе. Внизу—налево: проявление и просушка кино-фильм; направо: техническая мастерская.

...Молодыми зубами — гранит науки!

На общеобразовательных курсах.

Очерк Г. Феддерса.

Вечерняя школа.

Школа, широко открытая для всех трудящихся.

Сюда идут все те, кто *тогда*, до семнадцатого, по государственным и всяким иным обстоятельствам, не мог получить образования.

Теперь государство сказала:

— Ты—член профсоюза? Учиться хочешь? Иди.

И пошли. И идут. Охотно. Массами.

1. Со службы на уроки.

С фабрик, заводов, из депо, мастерских, из отделов и подотделов, торопятся темные комочки, слушатели—учиться. К семи часам вечера, ибо занятия—от семи до одиннадцати.

Я спрашивал курсантов:

— Как же вы успеваете? Ведь у большинства из вас работа на службе заканчивается к пяти.

Форсированным маршем.

Но не думайте: не призрачное, не опереточное.

Почему? Как?

3. «Всю тухлу буржуазной учебы—долгой!»

В курсовой секции одного из ОНО говорили:

— Мы хорошо усвоили и убеждены в том, что трудящемуся нужно только то знание, которое помогает ему, учит его строить свою жизнь так, чтобы ему было хорошо, чтобы он разумно и с наибольшей экономией сил и времени извлекал из нее все, что ему нужно, и чтобы никто не садился ему на голову.

А курсант один, здоровый, веселый, еще проще объяснил:

— Сором и хламом голов не забываем.— Некогда, да и места не хватает.

5. 36 кандидатов!

Слабое место в учебной жизни курсов, это—недостаток преподавателей общественно-ведения и политграмоты.

Здесь нужны молодые, бодрые, хорошо знающие предмет партийцы. Таких дает Свердловский коммунистический университет из среды студентов старших курсов.

Курсанты очень дорожат ими:

— У вас полит-экономия кто читает?

— Королев.

— Свердловцев?

— Да. Здорово, понимаешь ли! А у вас?

— Гарцман. Замечательный! Так кроет, что ребята на перемене даже покурить не выходят.

Но студенты завалены своей работой и потому аккуратно посещать школы и курсы—не могут.

Вот что я услышал на годовом докладе одного из заведующих курсами:

«Слабая подготовка и знания, обнару-

Занятия на общеобразовательных курсах для взрослых имени Октябрьской Революции.

— Ну, что ж? Так и успеваем. Вот у нашей Фатеевой дома—двое ребят малых, с ними еще повозиться надо, да обед приготовить, а успевают. Если человек захочет—всегда успеет.

— Это—верно,—поддерживают голоса.

— А то еще, бывает, задержишься на службе, так прямо—со службы на уроки.

— Бывает. Обедаешь тогда уже ночью.

2. 8 лет—за 3 года.

В уставе курсов:

«Принимаются умеющие читать и писать и знающие четыре арифметических действия».

А в этом году все абитуриенты курсов, наравне с рабфактовцами, получили право по командировкам своих профсоюзам поступать в ВУЗы (высшие учебные заведения) без экзамена.

Я вспомнил: раньше «синяя говядина», гимназист, добил восемь лет в классе и дома, под крылом папеньки и маменьки, чтобы попасть в университет.

А теперь...

Беспримечное в истории просвещения прохождение курса средней школы за три года, вместо восьми лет.

4. Учебный план, метод.

В учебном плане—русский язык, литература, математика, физика, химия, естествознание, история классовой борьбы, исторический материализм, политическая экономия, политграмота, графические искусства, экономическая география.

Говорю одному из заведующих:

— Ничего у вас лишнего в плане нет, все—на месте, все пригнано плотно.

Смеется:

— Да. Помните, как Чехов говорил о хорошем рассказе: не должно быть ничего лишнего, как на палубе военного корабля.

В методах занятий—все, что заинтересовывает слушателей, повышает степень их внимания, развивает до максимума самостоятельность. Поэтому лабораторный метод—в основе.

— Как работа в кружках?

— Работаем. Только в этом году развить работу не удалось, так как был предоставлен один день в неделю.

— А в будущем?

— В будущем курсы реорганизуются в двухгодичные, классовых занятий будет меньше, и кружки будут работать три раза в неделю.

женные курсантами на выпускных испытаниях по политграмоте и полит-экономии, объясняют тем, что в году нормальных занятий вести не удалось. В течение года было 36 кандидатов в преподаватели этих предметов на наших курсах—приглашенных, отказавшихся за недостатком времени, посещавших нас некоторое время, потом смененных другими и т. д.»

36 кандидатов!

И это—не анекдот, это—факт!

МОНО следует обратить особенное внимание на упорядочение этого вопроса.

6. Мозг и воля курсов.

Это—курсомы и учовы (курсовые комитеты и учебные советы).

Направляющие центры курсовой жизни во всех ее проявлениях по заданиям Политпросвета. Учовы ведут учебную жизнь курсов, курском—общественную.

Последняя мощно, неудержимо вовлекает в свое русло все новые и новые массы учащегося рабочего люда. И это—через удачно выбранные, хорошо функционирующие курскомы.

Спрашиваю одного председателя курскома:

— Область вашей работы, товарищ? Если сконденсировать все, что он рассказал, то получится:

— Газеты, журналы... Заседания и собрания ячейки, отдельные курсы, групп... Устройство собраний, вечеров, лекций... Экскурсии... Издание стенной газеты и курсового журнала... Своевременные живые отклики на важнейшие явления политической и социально-экономической жизни СССР и заграницы...

Бедна работы!

Многое в ней выполняется совместно с учовом и заведывающим, но многое и совершенно самостоятельно.

Так выковываются превосходные, глубоко сознательные будущие деятели и работники республики трудящихся.

7. Диаграммы.

Большие листы александрийской бумаги... Многокрасочные столбики с деления-

ми... Большие и маленькие круги, разделенные на секторы. И везде—цифры, цифры в процентном соотношении...

Это—диаграммы: вся жизнь курсов в цветных окружностях, столбиках, цифрах.

Интересен и показателен социальный состав слушателей курсов.

Он делится на две основных группы: рабочих и служащих совучреждений. Количество первых в некоторых случаях достигает 80 % общего состава. И на таких курсах я слышал:

— Знаете, на наших курсах после чистки осталось всего 20 % служащих.

— Ну?

— Значит, наши курсы—настоящие, пролетарские курсы.

И эта пролетаризация неуклонно растет.

8. Рост и реорганизация курсов.

В истекшем учебном году в Москве общеобразовательных курсов насчитыва-

лось до 22 с 3000 учащихся. Некоторые из курсов существуют уже пять лет и дали четыре выпуска.

Летом Губполитпросветом произведена большая работа в смысле расширения сети курсов как в Москве, так и в уезде. Помимо существующих, открывается 8 вечерних курсов при клубах РКСМ и 15 воскресных утренних при тех же клубах и при районных рабочих дьярцах. Общее число слушателей общеобразовательных курсов по одной Москве достигнет 7500 человек.

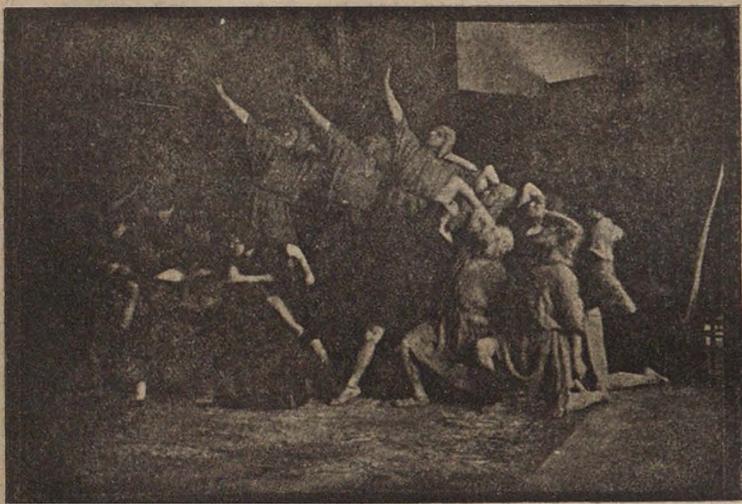
Новый прием будет произведен по следующему процентному соотношению: 50 % всего числа мест будет представлено МГСПС, 20 %—МК РКП, 10 %—отделу рабочих, 10 %—МК РКСМ, 10 %—красноармейцам.

К началу наступающего учебного года, в целях устранения параллелизма с рабфаками и уничтожения «дипломных» вожделений, курсы реорганизуются в краткосрочные двухгодичные. Г. Феддерс.

Украинский пролетарский театр.

Коллектив им. Гната Михайличенко, работая в Киеве с 1920 года, стремится к созданию подлинного пролетарского театра на основах коллективизма. Коллектив в настоящее время тесно сблизился с широкими массами рабочих и крестьян. Ближайшей его работой является постановка большой композиции «Карнавал», с которой коллектив предполагает познакомиться в ближайшем будущем и Москву.

Фот. для „Огонька“.

Композиция. «Перший будинок нового світу».

Буффонада. Часть 2.

СПОРТ.

От нашего яхромского корреспондента.

На снимке рабочие наблюдают за игрой в футбол «Яхромцы» с «Красно» Пресней. Игра в ла ожесточенная. Под звуки оркестра Яхромцы Красной Пресне легко набрали 8:0. И отныне наша яхромская футбольная команда считается по Дмитровскому уезду одной из лучших.

АКЦ. О-ВО „ВИНТОРГ“

На Всесоюзной Сельско-Хозяйственной и Кустарно-Промышленной **ВЫСТАВКЕ** имеет свой **ПАВИЛЬОН** и **КИОСКИ** на территории русского и иностранного **ОТДЕЛОВ**.

ЛУЧШИЕ русские и заграничные крепкие, десертные, шампанские и столовые

ВИНА

КРЕДИТ Государственным и кооперативным организациям с преимущественной **СКИДКОЙ**.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Арбат, 14. **ОПТОВАЯ ПРОДАЖА:** Москва, Арбат, 14. Москва, Столешников, 3.
РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ: № 1. Столешников п., дом № 3. № 2: Петровка, дом № 8.
№ 3. Тверская, дом № 68. № 4. Арбат, дом № 4. **ОТДЕЛЕНИЯ:** Петроград, Лиговская, 275 в.
Нижний-Новгород, Живоносная, 16, и в других городах.

ЕГОРЬЕВО-РАМЕНСКОЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ (ТРЕСТ)

Ильинка, Хрустальный пер.

НАСТОЯЩИМ ОБЪЯВЛЯЕТ,

что азиатские пестротканые ткани (бухарские, хивинские, персидские, туркестанские), являющиеся выработкой объединения, продаются в Правлении (обратиться в Торгов. Отдел.) и в оптово-розничном магазине.

Образцы тканей можно видеть также на Выставке, в Павильоне Всероссийского Текстильного Синдиката, где имеются экспонаты объединения.

Правление.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ТРУДОВЫМИ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Доводит до всеобщего сведения, что на Всероссийской Сельско-Хозяйственной и Кустарно-Промышленной Выставке во все время ее действия функционируют

ВЫСТАВОЧНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ.

При почтово-телеграфном отделении, при Доме Крестьянина и в павильоне НКФ, которые будут выполнять все операции, производимые Сберегательными Кассами, а именно:

Прием вкладов на хранение, продажу и прием на хранение 6%-го Золотого Выигрышного и Хлебного займов, выдачу ссуд под 6%-ый Выигрышный Заем, продажу и размен червонцев.

Вклады беспрепятственно выдаются в **ЗОЛОТОМ** исчислении.

Допускаются завещательные распоряжения.

Полная гарантия тайны вкладов.

Переводы вкладов в иногородние Кассы.